

РЯДОМ С РИХАРДОМ ЗОРГЕ

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ

ХОЦУКИ ОДЗАКИ

Не сидел сложа руки в это время и Ходзуми Одзаки. Он пристально следил за всеми изменениями в политической обстановке. Став внештатным консультантом кабинета Коноэ, он сосредоточил свое внимание на изучении хасанского конфликта¹ и действий Ван Чжао-мина (Ван Чжао-мин, поссорившись с Чан Кай-ши, провозгласил лозунг «мирного спасения страны», бежал из Чунцина, где в это время находилось гоминьдановское правительство, и в конце концов стал японской марионеткой). Внимание Одзаки привлекали и вопросы реорганизации гоминьдана. Одзаки пытался оказывать активное влияние на внешнеполитический курс кабинета Коноэ. Он довольно часто выступал в печати по вопросам так называемого нового порядка в Восточной Азии и в завуалированной форме развивал свою идею восточноазиатского содружества. Через все выступления Одзаки красной нитью проходила мысль о необходимости трезвого и реалистического подхода к явлениям политической действительности.

И после того как первый кабинет Коноэ был расформирован, Одзаки продолжал оставаться в «Кружке любителей завтраков», участники которого принадлежали к «мозговому тресту» принца Коноэ. (Говорят, что в день своего ареста, то есть 15 октября 1941 года, Одзаки тоже должен был присутствовать на очередной встрече «любителей завтраков». И в тот момент, когда остальные члены кружка сядили за стол в ресторане Овада² в Адзабу³ удивляясь, почему не явился секретарь кружка

Продолжение. Начало см. «Азия и Африка сегодня» № 8 за 1965 год.

¹ Хасанский конфликт — попытка японских империалистов 29 июля — 11 августа 1938 года силой отторгнуть часть советской территории в районе озера Хасан (у залива Посьет, на границе с Кореей).

² Овада — владелец ресторана, славившегося жареными угрями.

³ Адзабу — один из районов Токио

Одзаки, как раз и было получено сообщение о его аресте.)

Однако после формирования второго кабинета Коноэ Одзаки стал постепенно отдаляться от ближайшего окружения премьера.

В течение последних двух лет перед арестом основное внимание Зорге и Одзаки было сосредоточено на вопросе — начнет ли Япония войну против Советского Союза. Будет ли она продвигаться на север и нападет на СССР, или повернет на юг и столкнется с Англией и Америкой? Зорге и Одзаки прилагали все усилия к тому, чтобы иметь точные и абсолютно надежные данные о курсе японской национальной политики в этом вопросе. Начиная с 1941 года три главные темы были объектами их разведывательной деятельности: японо-советские отношения, дата нападения Германии на Советский Союз, ход японо-германских переговоров.

Весной 1941 года (как раз в то время, когда японский министр иностранных дел Мацуока вернулся в Японию после заключения пакта о нейтралитете с СССР) Зорге из информации, поступавшей из Германии по почте и доставляемой специальными курьерами, стало известно, что на восточной границе Германии началось сосредоточение войск. От военного атташе Кречмера он слышал, что подготовка к войне с Советским Союзом Германией закончена. Специальный курьер Нидермейер посвятил его в подробности планов агрессии нацистской Германии против СССР. От подполковника Шора Зорге узнал, что начало военных действий Германии против Советского Союза намечено на 20 июня. Отсрочка может быть не более чем на два-три дня. Шор сообщил также, что на восточной границе Германии сконцентрировано 170—190 дивизий, причем почти все это механизированные соединения. Наступление начнется одновременно по всему фронту. Главные силы будут брошены в направлении Москвы и Ленинграда, после чего повернут в сторону житницы страны — Украины...

С момента нападения Германии на Советский Союз японо-советские отношения, которые до этого несколько нормализовались, снова крайне обострились. Большое беспокорство у Зорге и Одзаки вызвала, в частности, крупная мобилизация, объявленная в Японии 7 июля.

Московские руководящие органы строжайшим образом запретили Зорге и его группе заниматься какой-либо политической или пропагандистской деятельностью, выходящей за рамки, обусловленные разведывательными целями. Но в решающий момент, когда вопрос о возможности нападения Японии на СССР приобрел чрезвычайную остроту, желание Зорге, Одзаки и их товарищей предотвратить эту опасность стало настолько сильным, что они не могли больше придерживаться предписанных рамок.

Среди людей, близко стоящих к Коноэ, Одзаки открыто заявлял, что он против войны с Советским Союзом. Беседуя с Зорге, он настаивал на том, что острее японской военной экспансии можно повернуть на юг. В конечном счете Зорге одобрительно отнесся к его плану активного воздействия на политический курс японского правительства и запросил по радио Москву. Ответ последовал краткий: «Не нужно». Однако, как указывает Зорге в своих «Тюремных записках», он по-своему истолковал этот ответ и не ставил Одзаки никаких ограничений.

По свидетельству Зорге, суть доводов, которыми пользовался Одзаки, доказывая в определенных кругах нецелесообразность войны с СССР, сводилась к следующему. Советский Союз не хочет войны с Японией. Если Япония и вторгнется в Сибирь, Советский Союз будет только обороняться. Начав войну с СССР, Япония сможет отторгнуть лишь Восточную Сибирь, в лучшем случае и Западную. Но в этих военных операциях она неизбежно израсходует свои запасы нефти и железа. Воспользовавшись этим, Америка и Англия, возможно, нападут на Японию. Если Германия сокрушит Советский Союз, то Сибирь и так станет нашей территорией. Какой же смысл начинать сейчас войну с СССР! Дальнейшая военная экспансия Японии целесообразна лишь в одном направлении — южном...

Трудно сказать, в какой мере усилил Одзаки повлияли на направление государственной политики. Правительственный курс определяется действием сложного политического механизма. Но так или иначе, а японская военная экспансия была круто повернута с севера на юг. И не исключено, что известную роль здесь сыграла и лепта Одзаки.

Сразу же после нападения Германии на СССР Одзаки стало известно, что японское правительство решило придерживаться нейтралитета в германо-советской войне. Но не было никакой гарантии, что эта позиция будет оставаться неизменной, независимо от того, на чью сторону склонится чаша весов. Мобилизация, объявленная 7 июля 1941 года, проводилась на основании «Единого плана военных действий на Севере и Юге», который был принят на совещании у императора 2 июля. В соответствии с этим планом 250 тысяч мобилизованных посылались на север, 350 тысяч — на юг и 400 тысяч оставались в Японии. Такое распределение нового крупного пополнения войск не очень успокаивало Одзаки.

Однако оккупация японскими войсками Французского Индокитая вызвала резкое ухудшение японо-американских отношений. С каждым днем усиливалась американская экономическая блокада Японии. С другой стороны, военные действия немцев

против СССР развивались не столь успешно, как предполагалось. После Смоленска гитлеровские войска стали топтаться на месте. В высших политических кругах Японии началась некоторая переоценка ценностей. Надежда на быстрый военный разгром Советского Союза становилась все более проблематичной. Во всяком случае пока Японии не следовало спешить с нападением на СССР.

В конце августа Одзаки сообщает Зорге, что по крайней мере до конца года Япония воздержится от нападения на Советский Союз.

В сентябре Одзаки побывал в городе Дайрене (Дальнем). Он присутствовал на состоявшемся здесь совещании сотрудников Исследовательского (разведывательного) отдела Управления ЮМЖД⁴ по вопросу «о влиянии новой обстановки на политику и экономику Японии». Воспользовавшись этой поездкой, Одзаки постарался собрать на месте кое-какую информацию о положении в Квантунской армии после июльской мобилизации. Полученные данные говорили о том, что подготовка к войне с СССР здесь полностью приостановлена.

Теперь внимание Одзаки было приковано к ходу японо-американских переговоров.

ПОЛИЦИЯ РАССТАВЛЯЕТ СЕТИ

Одзаки и Зорге виделись раз в две или три недели в каком-либо ресторане Токио или Иокогамы. «Чайные домики» были слишком заметным местом для встреч японца с иностранцем, и они ими почти не пользовались. После того как началась германо-советская война, Зорге и Одзаки стали встречаться еженедельно, по понедельникам. Но с тех пор как в связи с военной обстановкой в стране чрезвычайно усилился полицейский надзор, свидания их происходили чаще всего у Зорге на квартире. В качестве связного Зорге использовал Мияги, который с лета 1940 года под видом учителя рисования дочери Одзаки стал открыто появляться в его доме.

Весной 1941 года Каваи побывал у Мияги дома, по улице Рюточо, в районе Адзабу, где тот снимал комнатушку на втором этаже. Он застал его в полутемной каморке стоящим перед холстом спиной к двери. Поверх теплого кимоно у него была надета безрукавка. Он рисовал какую-то картину пастелью. Когда Мияги повернулся лицом к гостю, тот заметил, что он чем-то сильно возбужден. Разливая в стаканы авамори⁵, Мияги, понизив голос до шепота, сказал Каваи: «Какой-то странный тип все время торчит близ моего дома. Не нравятся мне это. Боюсь, не расставляют ли нам сети».

Каваи стал замечать слежку и за собой. Затем ему показалось, что хвост увязался и за Одзаки, что его особенно обеспокоило. Он предостерег Одзаки, но тот посмеялся, не придав этому значения. Однако, когда в середине февраля Одзаки с семьей, пригласив с собой Мияги, отправился за город полюбоваться цветением слив, он убедился, что опасение Каваи не было напрасным.

По-видимому, в силу особой чувствительности, свойственной художникам, Мияги раньше и острее

⁴ Одзаки в то время был советником этого отдела.

⁵ Авамори — японское бренди из сладкого картофеля.

других ощутил, как затягиваются вокруг них полицейские сети.

Он часто говорил Каваи: «Не рожден я для такой работы. Это не моя область. Но что поделаешь, если сейчас эта работа поважнее, чем рисовать картины. Не могу же я отказаться от порученного дела только потому, что не чувствую себя для него достаточно пригодным. Это было бы дезертирством. Ведь кто-то должен делать эту работу...» Мияги устал. Глубокая душевная усталость сквозила в этих горьких и печальных словах.

Ёсинори Мияги родился в 1903 году в городе Наго на Окинаве. В шестнадцатилетнем возрасте он уехал в Америку к отцу, который под Лос-Анжелосом управлял небольшой фермой. Достатка в семье не было, Ёсинори пришлось учиться на медные гроши. Он окончил казенное художественное училище в Сан-Диего, затем учился в Институте живописи Макдональда Райта. В 1931 году он вступил в американскую компартию и состоял в так называемой секции восточных национальностей калифорнийской организации. Эта секция была сформирована из японцев, китайцев, филиппинцев и индийцев; преобладали в то время японцы. Сразу же после маньчжурских событий Мияги стал участником антивоенной лиги.

Общественная деятельность Мияги в Америке началась еще в середине 20-х годов, когда он с писателем Ацуси Матаёси организовал кружок по изучению социальных проблем, который позднее стал называться «Рэймэй» («Рассвет»). Впоследствии участники этого кружка, придерживавшиеся большевистских взглядов, ушли из него и создали свое общество классовой борьбы. Эта организация выросла затем в Ассоциацию рабочих, вызвавшую к жизни массовое революционное движение среди японских трудящихся в Америке. Мияги, в мировоззрении которого преобладали анархические тенденции, продолжал оставаться в группе «Рэймэй». Однако по мере роста влияния ассоциации активизировалось и движение сторонников левого искусства. Мияги становится сотрудником журнала «Пролетарское искусство» — органа созданного тогда Общества пролетарского искусства. Жена Мияги, Тиё Ямаки, и арестованная впоследствии участница группы Зорге Томо Китабаси тоже были членами этого общества.

После приезда в Японию Мияги каждую свободную минуту старался использовать, чтобы продолжать писать картины. Писал он и маслом, но больше пастелью. Некоторые оставшиеся после него картины отличаются большим своеобразием и отмечены печатью истинного таланта. Мияги погиб, не дождавшись крушения японского фашизма, но произведения, которые он создавал, горячо призывая в душе этот час, как бы передают нам страстный шепот этой его молитвы.

Весной, в год ареста, Мияги как-то признался Каваи: «Воля моя слабеет, и силы мои тают, как легкий весенний снег». Обеспокоенный душевным состоянием Мияги, Каваи рассказал об этом Одзаки. Но тот выслушал его довольно спокойно и сказал: «Что ж, людям свойственно иногда впадать в уныние. Это не страшно. После облачных дней наступают солнечные». Но, возможно, Одзаки сказал так лишь потому, что хотел успокоить Каваи.

«Еще два года, нет, еще год терпения, мрак рассеется, и в Японии наступят ясные, светлые дни». Так, подбадривая друг друга, они вместе шли по своему крутому, обрывистому пути. Опасность надвигалась и на Зорге. Казалось бы, положение, которое он занимал, и доверие, которым он поль-

зовался в посольстве, делали его неуязвимым для японской контрразведки. Однако как ни тщательно была его маскировка, нельзя сказать, чтобы она не имела абсолютно никаких изъянов. В частности, относительно политического прошлого Зорге, по-видимому, уже были известные сомнения. В 1940 году бывший начальник нацистского секретного органа Шелленберг по просьбе директора Германского информационного агентства фон Ритгена просмотрел материалы о Зорге, имевшиеся в Управлении внутренней безопасности и гестапо, и сказал ему: «Нет никаких прямых улик, что Зорге был членом германской компартии. Но есть основание полагать, что он по меньшей мере был сочувствующим».

Связи Зорге с влиятельными нацистами в течение ряда лет ограждали его от подозрений и злобных слухов.

Ритген, который высоко ценил информацию Зорге и верность его суждений о событиях политической жизни Японии, очевидно, решил так: хотя бы у Зорге и был контакт с советскими разведчиками, не следует его терять как своего сотрудника. Иначе говоря, на худой конец он готов был иметь с ним дело как с агентом-двойником. Шелленберг и Ритген сошлись на том, чтобы пока не трогать Зорге, оговорив два условия: установить за Зорге тщательное наблюдение, информацию Зорге пропускать не через обычные каналы, а подвергать специальному анализу и оценке.

Когда Майзингер, этот патентованный убийца, назначенный представителем германской полиции при посольстве в Токио, отправлялся в Японию, Шелленберг рассказал ему о прошлом Зорге и поручил тщательно приглядеться к его деятельности в Токио. Вскоре Майзингер сообщил своему начальству в Германию, что пока за Зорге ничего плохого не замечено, что он пользуется общим доверием в посольстве и считается весьма приятным человеком.

Если бы все оставалось по-прежнему, то, возможно, несчастья и не произошло бы. Но Майзингер проболтался японской стороне о своем задании проверить деятельность Зорге в Токио. Хотя сам Майзингер это и отрицал, но он, очевидно, кое-что выболтал руководителям японской тайной полиции. Японские полицейские власти, вынужденные соблюдать известную осторожность в отношении лиц германского подданства, уже не раз нервничали из-за этого. Фраза, оброненная Майзингером, упала на благодатную почву и возымела немедленное действие. Одним из последствий этого явилось наблюдение за домом Зорге, установленное полицейским участком Ториндзака. Кстати, Зорге жил недалеко от этого участка, что в данном случае оказалось на руку полиции. За посетителями дома Зорге тут же увязывался шпик и устанавливалось постоянное наблюдение.

Начальник полицейского участка Ториндзака вызвал к себе Ханако Исии и посоветовал ей прекратить всякие отношения с Зорге. Это было в августе 1941 года. Чтобы заговорить зубы полицейским ищейкам, Зорге пригласил ответственного чиновника тайной полиции в ресторан на Нихонбаси и как будто уладил с ним дело. Но это не значит, что охранка ослабила надзор за Зорге. Он советовал Ханако уехать в Шанхай или выйти замуж за японца, обещая подыскать для нее хорошего жениха. Его очень беспокоила будущая судьба Ханако.

(Окончание следует)

Перевел с японского С. Гутерман

Фото из журнала «Африка энд уорлд»

„Если на вас напал кафр...“

Кто же кого соблазнял?» — поставил вопрос член Верховного суда Южно-Африканской Республики уважаемый Хилл, когда дело было уже совершенно ясно: белая женщина соблазняла «цветного» юношу.

Разбиралась апелляционная жалоба 22-летнего Субейкара Муса Гани, приговоренного судом первой инстанции к тюремному заключению за «покушение на честь белой женщины». Нелепость обвинения была настолько очевидна, что в защиту юноши выступили многие прогрессивные деятели страны. По ходу дела выяснилось и еще одно обстоятельство, весьма характерное для царства апартхейда в ЮАР: белая соблазнительница действовала по заданию фервурдовской полиции, причем уже не первый раз. Оказалось, что бюро «особой службы» полиции в Претории и других городах страны подсылает белых проституток к африканцам, чтобы потом обвинять их в изнасиловании белых женщин. Во время процесса судья Хилл патетически воскликнул:

— Вот уже десять лет, как я исполняю свой благородный долг судьи. Но впервые мне пришлось столкнуться с тем, что тело женщины используется как капкан, чтобы обвинять мужчину в нарушении «Закона против аморальных поступков». Надеюсь, что этот первый случай будет и последним...

Почтенный судья явно покривил душой: он не мог не знать, что подобные случаи в ЮАР — такое же повседневное явление, как изнасилование африканок белыми. Уроженец Южной Африки Франц Ли в своем труде «Анатомия апартхейда» пишет:

«Часто бедные африканские девушки, возвращаясь домой в резерват с заработков, приносят «цветных» младенцев».

Реакционно настроенные фервурдовцы, крикливо выступающие против смешения рас, тайно принуждают своих работниц-африканок к сожительству. В ЮАР и Юго-Западной Африке есть целые поселения бастардов — внебрачных «цветных» детей.

В то же время полиции ЮАР за последние десять лет не удалось установить ни одного факта, когда бы африканец покушался на честь белой женщины. Этим, очевидно, и объясняется маневр «особой службы».

Беспощадно расправляясь с африканцами, расисты распространяют слухи, будто коренное население Южной Африки угрожает мирной жизни белых поселенцев, их женам и дочерям.

Фервурдовцы сформировали самую крупную в Африке армию, громадный полицейский аппарат — в ЮАР полицейских больше, чем школьников, — и дошли до того, что вооружили и обучают военному делу всех белых женщин и девушек. Новейшее изобретение расистов — револьвер в бюстгальтере. Изобретатели гарантируют, что кобура револьвера не только не нарушит линию бюста, но даже делает ее особенно выигрышной.

«Если на вас напал кафр (так расисты презрительно называют коренных жителей Южной Африки. — Ред.), вы моментально выхватываете револьвер. Всего три секунды нужны вам для того, чтобы открыть огонь!»

Такова расистская реклама. Такова расистская мораль.